

ВЗГЛЯДЪ НА ПРОШЕДШЕЕ.

ВОСПОМИНАНІЯ А. С. ГОРКОВЕНКО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1876.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣ смерти Алексѣя Степановича Горковенко найдены собственноручныя его записки, начатыя имъ въ январѣ нынѣшняго года. Къ сожалѣнію, записки эти доведены имъ только до 1855 года, когда онъ возвратился въ Россію изъ командировки въ Америку. Помѣщая ниже начало автобіографіи покойнаго адмирала, считаемъ необходимымъ привести здѣсь самыя краткія свѣдѣнія о его служебной дѣятельности.

Алексѣй Степановичъ родился въ Петербургѣ 8 февраля 1821 года. Въ 1830 году онъ былъ отданъ въ Александровскій корпусъ, а въ 1832 былъ переведенъ въ Морской корпусъ, откуда вышелъ мичманомъ въ декабрѣ 1837 года и былъ оставленъ въ офицерскихъ классахъ. Въ 1841 году, по окончаніи курса офиц. классовъ былъ произведенъ въ лейтенанты и вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ адъютантомъ къ началнику 2-ой фл. дивизіи А. А. Дурасову, у котораго пробылъ въ этомъ званіи три года. Въ 1844 г. Ал. Ст. былъ назначенъ вахтеннымъ начальникомъ на фр. «Аврора», отвозившій въ Англію золото въ слиткахъ для дома Беринга и К°. Это было первое его заграничное плаваніе. Въ 1846 году Алексѣй Степановичъ на транспортѣ «Або», совершилъ плаваніе въ Италію, для отвоза въ Неаполь бронзовыхъ коней, подаренныхъ Государемъ Неаполитанскому королю. Въ 1847 году Алексѣй Степановичъ служилъ на пароходѣ «Храбрый»; въ 1848 году былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на пароходъ «Камчатка», и въ 1849 году совершилъ на этомъ пароходѣ плаваніе на остр. Мадеру, съ покойнымъ Герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Плаваніемъ на «Камчаткѣ» окончилась линейная служба Алексѣя Степановича. Въ 1851 году на томъ же пароходѣ

онъ упалъ навзничъ, съ мостика парохода, въ пустой люкъ и расшибъ себѣ голову такъ, что ему пришлось болѣе мѣсяца пролежать въ Кронштадтѣ въ госпиталѣ, и только молодость помогла ему перенести эту болѣзнь. Тѣмъ не менѣе ему пришлось оставить службу на морѣ и озаботиться о прине-
сении себѣ берегового мѣста. Въ томъ же году Алексѣй Сте-
пановичъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а въ
слѣдующемъ—назначенъ адъютантомъ къ инспектору морскихъ
учебныхъ экипажей.

Въ 1853 году Алексѣй Степановичъ получилъ порученіе
быть представителемъ Россіи на метеорологической конфе-
ренціи, назначенной въ Брюсселѣ; оттуда онъ проѣхалъ въ
Соединенные Американскіе Штаты и возвратился въ Россію
весною 1854 года, когда въ Крыму шли уже военные дѣй-
ствія. Во время этой командировки, Алексѣй Степановичъ
былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ инспекторскій
департаментъ, а тотчасъ по возвращеніи его въ Россію
откомандированъ былъ въ Кронштадтъ, для особыхъ поруче-
ній, къ главному командиру Кронштадтскаго порта.

По окончаніи войны, въ 1856 году, Алексѣй Степановичъ
былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга и удостоился лест-
наго довѣрія Его Императорскаго Высочества Генераль-
Адмирала, поручившаго ему надзоръ за воспитаніемъ своего
старшаго сына; съ этимъ вмѣстѣ Алексѣй Степановичъ былъ
назначенъ адъютантомъ къ Его Императорскому Высочеству
Генераль-Адмиралу. До 1860 года заботы по воспитанію Его
Императорскаго Высочества Николая Константиновича погло-
щали все время Алексѣя Степановича; въ это время онъ
отказался отъ свиданія почти со всѣми своими весьма много-
численными друзьями и знакомыми и безвыходно былъ въ
своей квартирѣ, въ Мраморномъ дворцѣ, оставляя ее лишь
на весьма короткое время, послѣ того какъ воспитанникъ
его ложился спать. Въ 1860 году Алексѣй Степановичъ былъ
назначенъ вице-директоромъ гидрографическаго департамента.
Въ этой должности онъ провелъ четырнадцать лѣтъ, испол-
няя въ тоже время различныя побочныя порученія. Такъ
въ 1861 году онъ участвовалъ въ комисіи по устройству

С.-Петербургскаго коммерческаго порта; въ 1864 году былъ
командированъ за границу для осмотра маяковъ и гидрогра-
фическихъ учреждений, а въ 1869 году командированъ въ
Египетъ на открытіе Суэцкаго канала.

Въ 1858 году Алексѣй Степановичъ былъ произведенъ въ
капитаны 1 р., въ 1865 г., на основаніи Всемиловствѣннаго
Манифеста 18 февр. 1762 г. былъ произведенъ въ контръ-адми-
ралы; въ 1866 году назначенъ въ свиту Его Императорскаго
Величества. Въ 1874 году Алексѣй Степановичъ былъ произ-
веденъ въ вице-адмиралы и назначенъ членомъ ученаго отдѣ-
ленія морскаго Техническаго Комитета.

Въ 1875 году Алексѣй Степановичъ получилъ послѣднее
порученіе по службѣ отправиться въ Парижъ на географи-
ческій конгрессъ. На пути въ Парижъ, въ Берлинѣ, Алек-
сѣй Степановичъ захворалъ и хотя на столько поправился,
что могъ продолжать свой путь, но здоровье его было уже на
столько плохо, что онъ не могъ принять никакого дѣятель-
наго участія въ этомъ конгрессѣ; возвратившись въ Петер-
бургъ, онъ всю зиму постоянно хворалъ и наконецъ на стра-
стной недѣлѣ настоящаго года слегъ въ постель, съ которой
уже не вставалъ до своей кончины, послѣдовавшей 18 апрѣля
въ 4 ч. пополудни. Миръ праху его.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРОШЕДШЕЕ.

(Воспоминанія А. С. Горьковского).

I.

Что воставило меня встаться за перо.—Дѣтскіе годы.—Царское село.—Морской корпусъ.—Офицерскій чинъ.—Литературныя занятія.

Къ счастью, или къ несчастью для человѣчества, будущее для насъ закрыто и о послѣднемъ часѣ каждого изъ насъ узнають болѣе или менѣе равнодушныя читатели изъ газетъ, гдѣ ихъ съ *прискорбіемъ* извѣщаютъ о нашей кончинѣ, а едущаіе изъ Высочайшаго приказа, въ которомъ мы *исключены изъ списковъ*. Немногіе пожалѣють, нѣкоторые сообщать, не открылась ли ваканція, похоронять какъ слѣдуетъ, и мертвый успокоится въ могилѣ, между тѣмъ какъ жизнь пойдетъ своею чередою для живущихъ. Если чинъ былъ довольно вначительнъ, то «Морск. Сборн.» или «Кроншт. Вѣст.» едѣлають краткую выписку изъ формулярнаго списка и затѣмъ все сдано будетъ въ архивъ, откуда едва ли кто нибудь выглянетъ на свѣтъ. При всемъ томъ, едва ли кто нибудь, въ извѣстные годы, не подумаетъ не разъ объ этомъ послѣднемъ часѣ и не оглянется на свою прошедшую жизнь, изъ которой многое сохранилось еще въ памяти; молодость живетъ надеждами; старость — воспоминаніями. И вотъ, перейди за пятьдесятъ лѣтъ, я вызвалъ эти воспоминанія изъ прошедшаго и въ видѣ автобіографіи, предлагаю ихъ, какъ послѣднюю бесѣду моимъ товарищамъ и друзьямъ.

До девяти лѣтъ я воспитывался самымъ скромнымъ образомъ. Благодаря покойному дядѣ, Марку Филипповичу, я былъ рано записанъ въ морской корпусъ, и въ ожиданіи очереди, ходилъ въ пансіонъ, гдѣ учился, чему могъ и какъ

могъ. Къ счастію моему, въ 1830 году открытъ былъ въ Царскомъ Селѣ Александровскій корпусъ для малолѣтнихъ, и въ іюлѣ меня отдали туда въ четвертую роту, на попеченіе доброй мадамъ Петцъ. Объ этомъ прекрасномъ заведеніи не могу вспомнить иначе, какъ съ чувствомъ благодарности и нельзя не пожалѣть, что впоследствии нанли нужнымъ его уничтожить. Онъ служилъ переходомъ изъ родительскаго дома въ военное училище и, благодаря прекрасной обстановкѣ, переходъ этотъ совсѣмъ не былъ рѣзокъ. Прекрасное помѣщеніе, ласковый пріемъ и заботливость ободряли на первомъ же шагу дѣтей, оторванныхъ отъ родной семьи и не смотря на то, что домой не отпускали вовсе, жизнь ни для кого не казалась тягостна. Ротами завѣдывали дамы, а директоромъ былъ почтенный генералъ Шмитъ. Вся прислуга была женская, но при дѣтихъ въ продолженіи дня, въ саду и въ рекреационномъ залѣ, были постоянно отставные унтеръ-офицеры, заступавшіе мѣсто дядекъ. Выборъ учителей былъ также очень хорошъ и ученіе не было обременительно. Словомъ сказать, трудно бы было пріискать лучшее приготовительное училище. Къ сожалѣнію, рѣдкій изъ воспитанниковъ оставался здѣсь долѣе десятилѣтняго возраста. Каждый годъ покойный Государь, очень часто удостоивавшій корпусъ своимъ посѣщеніемъ, самъ назначалъ болѣе взрослыхъ къ переводу въ Петербургъ, и въ декабрѣ 1832 года настала и моя очередь. Со страхомъ ѣхали мы въ Морской корпусъ. Тамъ все было для насъ ново: и начальники и товарищи, и дѣтскому воображенію представлялся онъ въ какомъ-то грозномъ видѣ. Насъ было человѣкъ двадцать и всѣхъ насъ помѣстили въ малолѣтнюю роту, которою командовалъ тогда капитанъ Бартошевичъ.

Теперь, обсуждая безпристрастно тогдашнее состояніе Морскаго корпуса, нельзя не сознаться, что въ разныхъ частяхъ его управленія было много недостатковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и не отдать справедливости тому, что въ немъ было дѣйствительно хорошаго. На первомъ планѣ стояла высокая личность достойнаго директора, адмирала И. О. Крузенштерна, который съ дѣтскихъ лѣтъ умѣлъ

внушать къ себѣ, въ каждомъ изъ насъ, любовь и уваженіе. Много труда стоило ему завести порядокъ тамъ, гдѣ до него его не было, и вмѣсто рѣзкихъ и часто жестокихъ мѣръ ввести кроткое и гуманное обхожденіе. Я засталъ корпусъ почти въ переходномъ состояніи, но толчекъ къ лучшему былъ уже данъ, хотя впереди оставалось желать весьма многого, начиная съ выбора воспитателей. Морской корпусъ страдалъ, впрочемъ, недостаткомъ своего времени, но можно утвердительно сказать, что въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ порядки были не лучше. Учителей хорошихъ не было и старшіе гимназисты вполне совѣстливо исполняли свое дѣло, учили и математикѣ, и географіи, и языкамъ; можно сказать, что всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь. За классною частью неусыпно наблюдалъ Маркъ Филипповичъ, пятидесять лѣтъ посвятившій этому дѣлу и выполнялъ всѣ обязанности вполне совѣстливо. Мы понемногу подвигались впередъ и были вполне счастливы, надѣвъ гардемариинскіе явора. До сихъ поръ наши лѣтнія плаванія на корпусныхъ судахъ не простирались далѣе Петергофа, теперь же насъ росписали по судамъ большой эскадры, предназначенной въ крейсерство въ Балтійское море. Эти корпусныя суда приносили свою долю пользы: на нихъ мы съ дѣтства приучались къ морскому быту, и хотя въ маломъ видѣ, но уже ознакомленные съ мѣстностью, не совсѣмъ невѣждами всходили на палубу военного судна. Надзоръ же за воспитанниками былъ гораздо удобнѣе на первыхъ, чѣмъ на вторыхъ. И попалъ на фрегатъ «Нева», подъ команду А. М. Трескина, считавшагося однимъ изъ самыхъ строгихъ командировъ. Слѣдующій годъ гардемарины также назначены были въ крейсерство и по окончаніи кампаніи стали готовиться къ экзамену въ офицеры.

Здѣсь, готовясь разстаться съ корпусомъ, мнѣ бы хотѣлось сказать два слова о тѣхъ порядкахъ, которые при насъ существовали. Корпусъ былъ закрытымъ заведеніемъ и воспитанниковъ отпускали домой только по воскресеньямъ, и то къ лицамъ заявившимъ о томъ заранее. Въ продолженіе недѣли никому не дозволялось отлучаться. Не отвергая

пользы открытых заведений, при известных условиях, не могу не сознаться, что в первом случае воспитанники больше приучались к порядку, больше сближались между собою, меньше приносили извне разбоянности. Напрасно думают, что закрытое заведение отчуждало от родительского дома; напротив, оно еще больше заставляло ценить его, и суббота была для кадет как-то обиходным днем. Связь между воспитанниками, безпрестанно нуждавшимися друг в друге, становилась теснее и образовала тот *esprit de corps*, который составляет моральную силу нашего общества. Там, где воспитанники живут вне стен заведения и сходятся только в классы, дух товарищества, переходящий и в жизнь, — едва ли возможен. Мы были в точном смысле одноклассниками и остались ими до старости.

Телесныя наказания, существовавшие в наше время, были конечно злом, но едва ли не злом неизбежным. Если наставники часто далеко не соответствовали своему назначению, то и между воспитанниками встречались личности, на которых можно было действовать одним страхом. Моральное влияние возможно там, где наставники имеют и время, и охоту, и способность влиять благотворно на воспитанников; ничего подобного не было в наше время, да и одного дежурного офицера на роту едва доставало для присмотра за порядком; неудивительно, что ротные командиры считали больше удобным

. Словъ не тратить по пустому

Где можно власть употребить».

Впрочем, на розги никто не жаловался, так как к ним прибегали только в выходящих из ряда случаях, и не иначе, как с разрешения директора. Гораздо страшнее для новичков было фронтное учение, на котором ефрейторъ, (также из кадет) немилосердно бил, чем попало и по чему попало юных рекрутов. Тут зло было тем сильнее, что на него нельзя было и жаловаться. К счастью, с переходом в гардемариинскую роту нравы смягчались и облагораживались и молодые люди, готовившиеся в офицеры, уже не походили на *старикашек* кадетских ротъ.

Нужно ли говорить о том, как мы были счастливы, надевая эполеты? Выходя в свет с самым скромным содержанием, мы считали себя крестами. У нас было неоценимое богатство — молодость, полная радостных надежд и ожиданий, с которою так хорошо и светель казался нам Божий мир. Скоро все разбилось в разные стороны, но и разбросанный по всем концам России выпускъ, до последней минуты составляя что то одно целое и сойдясь с остатками товарищей, на 35-й годовщину нашей службы, мы обрадовались друг другу, как дети одной разрозненной семьи.

Выпускным гардемаринам предоставлялась на выбор служба в Черном море, в Балтийском или в Каспийском. Имя Михаила Петровича Лазарева произносилось с восторгом и благоговением, и старыми, и молодыми моряками и кто искренно любил море, тот шел служить под его начальство. Военныя действия против горцев также увлекали молодежь, и в Черноморские экипажи набралось больше охотников, чем там было вакансий. Мне еще не было семнадцати летъ, и не уверенный еще в своих силах, не имея ни средств к жизни, ни опытности, я предпочел остаться на три года в офицерском классе, рассчитывая прожить это время у отца.

Офицерские классы были основаны И. О. Крузенштерном с тою целью, чтобы поднять уровень научных знаний и вместе с тем приготовить для корпуса преподавателей, вполне знакомых с современным состоянием морского искусства. Лучшие профессора того времени приглашены были для чтения лекций. Остроградский читал механику, Буняковский — дифференциальное и интегральное исчисления, Бурачек — теорию кораблестроения, С. И. Зеленой — астрономию, Бутырский — литературу. Летом офицеры назначались в плавание, по их собственному выбору и по возвращении с моря держали экзамен для перехода в следующий класс.

С этого времени я стал заниматься литературою. У меня всегда была страсть к чтению и уже в детстве я перечитывал все, что попадалось мне под руку. Хорошая память и способность легко усваивать иностранные языки

еще въ Александровскомъ корпусѣ приобрѣли мнѣ особое расположеніе французскаго учителя, М-г Даниеля, который познакомилъ меня съ французскими классиками и заставилъ учить наизусть Мольера и Расина. Англійскимъ языкомъ я всегда занимался съ особенною любовью и по выпускѣ изъ корпуса могъ переводить почти безъ лексикона. По русски я писалъ довольно гладко и рѣшился попробовать свои силы въ печати. Первый журналистъ, благосклонно принявшій мои переводы, былъ О. А. Кони, издававшій тогда «Пантеонъ русскаго театра». Онъ познакомилъ меня съ Краевскимъ, издававшимъ «Отечественныя Записки», который постоянно доставлялъ мнѣ работу, вмѣстѣ пріятную и выгодную. Я переводилъ Купера, Диккенса, Марріэта, Боввера, а позже помѣщалъ статьи, болѣе серьезнаго содержанія, въ начинавшійся тогда «Морской Сборникъ.» Впослѣдствіи я сблизился съ А. Н. Очкинымъ и переводилъ политическія и литературныя статьи для «Спб. Вѣдомостей». Эти занятія были для меня не работою, но развлеченіемъ и ни мало не мѣшали ученю. Я такъ пристрастился къ нимъ, что не оставлялъ ихъ до отъѣзда въ Америку, и оттуда всегда находилъ время присылать въ редакцію свои путевыя очерки. Не имѣя сначала довольно опытности въ выборѣ статей, многимъ изъ нихъ никогда не пришлось увидѣть печати, за нѣкоторыя издатели совсѣмъ не уплачивали мнѣ денегъ, но я любилъ искусство для искусства и никогда не ропталъ на судьбу. Моимъ меценатомъ былъ адмиралъ П. И. Рикордъ, въ домѣ котораго часто собирались ученые, литераторы, путешественники и который горячо поддерживалъ всякое доброе дѣло. Не могу также не вспомнить съ чувствомъ глубокой благодарности адмирала А. С. Грейга, удостоившаго меня самымъ благосклоннымъ вниманіемъ и радушно принимавшаго меня въ своемъ домѣ.

Три года прошли незамѣтно, экзамены кончились благополучно, и получивъ лейтенантскій чинъ за отличіе, намъ оставалось только разѣхаться по своимъ командамъ. Я числился въ 22 экипажѣ, который стоялъ въ Кронштадтѣ, и былъ подъ командою капитана 1 ранга Потемкина. Ни

экипажъ, ни командиръ не пользовались очень блестящею репутаціею и я, скрѣпя сердце, поѣхалъ на службу въ совершенно чужой для меня городъ. Это было весною 1841 года. Меня тотчасъ же назначили въ плаваніе на корветъ «Наваринъ», но судьба, въ лицѣ начальника 2-й флотской дивизіи А. А. Дурасова, рѣшила иначе, и по представленію его я былъ назначенъ къ нему адъютантомъ и переведенъ въ 14 й экипажъ.

II.

Жизнь въ Кронштадтѣ.—Плаваніе на разныхъ судахъ. Зимовка въ Ревелѣ.

Въ сороковыхъ годахъ Балтійскій флотъ состоялъ изъ трехъ дивизій: двѣ зимовали обыкновенно въ Кронштадтѣ, а третія въ Свеаборгѣ и Ревелѣ. Весною эта послѣдняя выходила въ Балтійское море въ крейсерство и къ исходу іюля возвращалась въ Кронштадтъ, гдѣ, послѣ Высочайшаго смотра, втягивалась въ гавань и смѣнялась очередною дивизіею. Не смотря на близость Петербурга, сообщеніе съ нимъ, въ особенности зимою, было такъ затруднительно, что Кронштадтъ стоялъ особнякомъ, и жилъ своею особою жизнью, которая, при разнообразіи служебныхъ занятій и веселомъ и дружномъ обществѣ, не только не казалась намъ скучною, но, напротивъ, сближала всѣхъ и придавала морскому кружку какой-то семейный характеръ. Главнымъ командиромъ былъ адмиралъ О. О. Беллинсгаузенъ, въ домѣ котораго мы собирались каждое воскресенье; двери клуба и библіотеки всегда были открыты для желающихъ и не оставалось желать ничего лучшаго. Городъ еще не освѣщался газомъ, о желѣзной дорогѣ еще не думали и пароходнаго сообщенія съ Ораніенбаумомъ не было. Это заставило многихъ выстроить дачи на косѣ и тамъ проводить лѣто.

Семейство адмирала Дурасова приняло меня какъ роднаго, и три года, которые я провелъ въ званіи его адъютанта, оставили въ моей памяти самыя отрадныя воспоминанія. Неловкость вновь выпущеннаго офицера сглаживалась въ образованномъ обществѣ, а бесѣды съ старымъ морякомъ, любившимъ

разсказывать о турецкой кампаніи, гдѣ онъ былъ раненъ, развивали во мнѣ охоту къ морской службѣ. Дивизія наша на слѣдующій годъ вышла въ море, но послѣ крейсерства въ Балтикѣ, во время котораго адмиралъ имѣлъ свой флагъ на 100 п. кораблѣ «Императоръ Александръ», расположилась на зимовку въ Ревель, отрядивъ три экипажа въ Свеаборгъ. Моряки очень любили Ревель. При всѣхъ достоинствахъ Кронштадта, онъ все-таки смотрѣлъ крѣпостью, тогда какъ Ревель представлялъ типъ маленькаго нѣмецкаго городка, сохранявшаго еще остатки средневѣковаго характера, вмѣстѣ съ замками и клубами, цехами, и другими наслѣдіями фатерланда. Жизнь была, и дешева и пріятна, и хотя высшій кругъ держалъ себя далеко отъ насъ, мы веселились, вездѣ по немногу и всѣ были обласканы въ гостепріимномъ домѣ главнаго командира, графа Л. П. Гейдена, героя наваринской битвы. Всѣ клубы были для насъ открыты, въ умственныхъ занятіяхъ недостатка не было, а служебныя шли своею чередою. Общество офицеровъ было дружное и доброе согласіе царствовало и на берегу, и въ каютѣ-компаніи. Команда также особенно любила Ревель, гдѣ вино было дешевле и гдѣ она частью стояла по деревнямъ.

Заграничныя кампаніи въ наше время были чрезвычайно рѣдки, а дальнія плаванія чуть не считались эпохою. Чтобы попасть на эти суда нужно было пользоваться исключительною протекціею и даже репутація отличнаго моряка давала только надежду на званіе старшаго офицера. Нѣкоторые изъ пароходовъ, какъ «Геркулесъ», «Богатырь» и «Камчатка», принадлежали къ тѣмъ счастливымъ, на долю которыхъ каждый годъ выпадало плаваніе съ Высочайшими Особами въ Свиномюнде, а такъ какъ желѣзная дорога въ Берлинъ еще не существовала, то эти плаванія бывали довольно часты. Офицерамъ выдавали по десяти червонцевъ и иногда выпадалъ на долю иностранной крестикъ. Въ 1844 году былъ посланъ въ Англію фрегатъ «Аврора» съ золотомъ въ слиткахъ для дома «Беринга и комп.» и благодаря представленію Е. В. Путятина, на котораго возложено было это порученіе, я назначенъ былъ командовать третьею вахтою. Не имѣя ни опытности, ни практической подготовки, напуганный слу-

хами о строгости и горячемъ характерѣ Евфима Васильевича, только что переведеннаго изъ Чернаго моря, я съ трепетомъ вступилъ на палубу незнакомаго мнѣ судна. Но плаваніе было самое счастливое. Мы прямо вошли въ Темзу и три недѣли простояли въ Гревсендѣ. Мнѣ поручено было, вмѣстѣ съ горнымъ офицеромъ, сдать золото на монетный дворъ, и пользуясь этимъ я прожилъ три недѣли на берегу, въ продолженіи которыхъ успѣлъ хорошо ознакомиться съ Лондономъ. Впрочемъ, достопримѣчательностей всѣхъ посѣщенныхъ мною мѣстъ я описывать не буду, такъ какъ читатель найдетъ ихъ въ каждомъ путеводителѣ, а въ статьѣ этой я хочу говорить только о себѣ, по причинамъ весьма извинительнымъ тому, кто хочетъ напомнить о себѣ, ожидая смерти. Скажу только, что на всѣхъ насъ Англія произвела сильное впечатлѣніе: было, что посмотреть и чему поучиться, въ особенности же морякамъ. Помню, что насъ представляли Герцогу Веллингтону, который принялъ насъ въ русскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, что мы обѣдали у посла, что англійскіе офицеры въ Вуличѣ и Чатамѣ, показавъ намъ арсеналь и доки, самымъ любезнымъ образомъ угощали насъ въ своихъ казармахъ. Потомъ мы снова очутились подъ парусами, зашли по пути въ Копенгагенъ и къ осени были опять въ Кронштадтѣ.

Я всегда былъ такъ счастливъ, что всюду находилъ себѣ покровителей и въ этомъ случаѣ человѣкъ, которому я наиболѣе считаю себя обязаннымъ, былъ Н. А. Васильевъ, занимавшій должность начальника штаба Кронштадтскаго порта. Многими лестными назначеніями я былъ исключительно обязанъ ему и теперь, по возвращеніи изъ Англіи, онъ предложилъ мнѣ поступить старшимъ офицеромъ на пароходъ «Ладогу», состоявшій при князѣ А. С. Меншиковѣ. Жизнь въ Петербургѣ имѣла для меня много привлекательнаго. Къ этому присоединилась надежда открыть себѣ дорогу впередъ, и я, съ разрѣшенія моего почтеннаго адмирала, не долго думая, принялъ предложеніе. Впрочемъ служба на «Ладогѣ» не пришлась мнѣ по сердцу и я оставался здѣсь не больше года. Пароходъ стоялъ обыкновенно у англійской набережной или въ Петергофѣ и всѣ плаванія его ограничивались перевозкою взадъ и впередъ высокопоставленныхъ лицъ. Я часто

видѣлъ князя Меншикова и, сколько могъ, старался понять и изучить его характеръ, что было не легко исполнить. Князь вообще былъ мало доступенъ, даже для приближенныхъ; моряки настоящаго времени, которымъ такъ легко открыть доступъ къ начальству, не могутъ себѣ представить, сколько неудачъ испытывали приѣзжіе офицеры, прежде, чѣмъ успѣвали добиться аудіенціи. Князь принималъ только по четвергамъ, и то не всегда и двери его дома, на англійской набережной, казались какимъ то недоступнымъ святилищемъ, на которое съ робостью смотрѣли чающіе движенія воды. Князь былъ человекъ высокаго ума и высокаго образованія, но у него не было того, что привлекаетъ къ намъ людей.....

Я оставался на «Ладогѣ» только одно лѣто, а въ 1846 году назначенъ былъ на транспортъ «Або», которому предстояла кампанія въ Неаполь, съ бронзовыми конями, подаренными Государемъ Императоромъ. «Або» былъ отличный транспортъ построенный въ Финляндіи и сдѣлавшій кругосвѣтное плаваніе подъ командою кап. Шанца, но для предстоявшей кампаніи весь составъ офицеровъ былъ новый. Командиромъ назначили капитана 2 ранга Руднева, личность, совершенно исчезавшую передъ главнымъ начальникомъ экспедиціи Б. Д. Нордманомъ; офицеры были баронъ Таубе, Гревеницъ, Головинъ и Римскій-Корсаковъ. 5 мая мы вышли изъ Кронштадта и, зайдя по дорогѣ въ Копенгагенъ и Плимутъ, благополучно дошли до Неаполя. Въ статьяхъ покойнаго Головина (Морс. Сб. 1857) есть нѣсколько юмористическихъ замѣтокъ по поводу этого плаванія, но, не вынося сору изъ избы, можно сказать, что все было какъ нельзя болѣе удачно. Намъ приняли съ большою предупредительностью и почетомъ, наградили орденами, показывали всѣ достопримѣчательности и Неаполь, всегда прекрасный, казался еще прекраснѣе при такой обстановкѣ. Это былъ еще Неаполь стараго времени, далеко непохожій на нынѣшній. Въ Palazzo Reale, не подозрѣвая близкой переменѣ, властвовали Бурбоны, на улицахъ нестрѣли патеры и монахи всѣхъ конгрегацій и безпечный лаззарони беззаботно грѣлся, на облитой солнцемъ, набережной Санта-Лучіи. Въ послѣднее время все это исчезло: и бурбоны, и патеры и даже лаззарони. Римъ, въ который мы

ѣздили изъ Чивитта-Веккіи, мы также застали въ какомъ то чаду. Народъ привѣтствовалъ новаго папу и восторгамъ народнымъ не было предѣловъ. Улицы оглашались криками viva Pio IX! и толпа выпрягала лошадей изъ кареты первосвященника, чтобы везти его на себѣ. И что же? не прошло четырехъ лѣтъ, какъ народный кумиръ сдѣлался изгнанникомъ и возвращался въ вѣчный городъ, подъ прикрытіемъ французскихъ штыковъ. Какъ не сказать: Sic transit gloria mundi.

На обратномъ пути въ Россію мы почти мѣсяцъ штили вали въ океанѣ, пока не добрались наконецъ до Портсмута. Придя въ Кронштадтъ, транспортъ разружили и офицеровъ разослали по экипажамъ.

Это была моя послѣдняя служба на парусномъ суднѣ. Для молодаго воображенія крейсерство не представляло ничего привлекательнаго и всякій, кто могъ, старался попасть на пароходъ, гдѣ служба была пріятнѣе и выгоднѣе. Между тѣмъ одно только крейсерство могло образовать хорошаго морскаго офицера, имя котораго всегда высоко цѣнилось на флотѣ. Но не смотря на то, что между старыми офицерами было еще много средиземскихъ, что между начальниками и командирами были люди, горячо любившіе морское дѣло, не было дуновения свѣше и истый морякъ работалъ безъ поощренія, безъ отличій. Онъ завистливымъ окомъ смотрѣлъ на Черноморской флотъ, гдѣ способные офицеры находили для себя широкое поприще и съ насмѣшкою называли служившихъ на пароходахъ рыцарями крестовыхъ походовъ. При всемъ томъ, хотя морская литература не была такъ богата, какъ въ настоящее время, хотя въ Кронштадтѣ не было ни публичныхъ лекцій, ни тѣхъ средствъ, которыя предоставлены теперь желающимъ заниматься, мы находили всегда готовность въ старыхъ и опытныхъ морякахъ помочь и поддержать учащуюся молодежь. Кто изъ моихъ современниковъ не вспомнить съ признательностью А. П. Лазарева, всегда бодраго, дѣятельнаго, занятаго то моделью лодки, то проектомъ станка, всегда умѣвшаго ободрить и поддержать оробѣвшаго мичмана? Г. И. Платеръ, Замыцкій, Струковъ, Тыриновъ, Анжу и другіе, стоявшіе во главѣ морской семьи,

были людьми, которые составили бы гордость и честь всякаго флота. Въ гостепріимномъ домѣ ихъ, какъ и на службѣ, на вооруженіи, въ гавани, молодой офицеръ находилъ въ нихъ и строгихъ, и снисходительныхъ судей, и людей съ прямымъ благороднымъ характеромъ. Я уже говорилъ о *Θ. Θ. Беллингсгаузенѣ*, главномъ командирѣ порта, всегда спокойномъ, внимательномъ и хладнокровномъ, и объ *А. А. Дурасовѣ*, которому я такъ много былъ обязанъ. Кромѣ того уваженія, которое каждому внушалъ ихъ благородный характеръ, оба они пользовались репутаціею отличныхъ знатоковъ морскаго дѣла и принимали живое участіе во всемъ, касавшемся флота. Примѣръ ихъ благотворно дѣйствовалъ на молодыхъ офицеровъ, и въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ всѣ казались довольны своею скромною участію.

На лѣтнюю кампанію 1847 года я былъ назначенъ на пароходъ «Храбрый», подъ команду *П. В. Соловцова*. Мы ходили въ Голландію, и потомъ въ Англію, въ отрядѣ *Θ. П. Литке*, вмѣстѣ съ фрегатомъ «Паллада»; въ 1848 году я былъ старшимъ офицеромъ на «Камчаткѣ». Это была самая трудная эпоха моей службы, такъ какъ на это мѣсто я просился самъ и понималъ вполнѣ, что долженъ былъ оправдать свое назначеніе. Порядокъ на пароходѣ, заведенный *И. И. Шанцомъ*, былъ образцовый, вооруженіе и отдѣлка щегольскія, команда отборная; гребныя суда считались лучшими на флотѣ. Пароходъ только недавно возвратился изъ Средиземнаго моря, гдѣ онъ состоялъ въ распоряженіи Императрицы *Александры Оеодоровны*, въ Палермо, и Шанцъ, произведенный въ контръ-адмиралы, уже сдалъ командованіе своему старшему офицеру, *П. А. Шевандину*. Какъ бы отдыхая отъ долгаго плаванія, пароходъ, исключая двухъ рейсовъ съ десантомъ, все лѣто простоялъ за военнымъ угломъ и сколько я помню, я ни разу не съѣхалъ на берегъ. Въ наше время, впрочемъ, была поговорка, что старшій офицеръ съѣзжаетъ на берегъ только съ гротъ-мачтою, и къ тому же; новость моего положенія и довольно сильная холера, появившаяся въ Кронштадтѣ и выхватившая даже нѣсколько человекъ изъ нашей команды, дѣлали для меня поѣздки на берегъ положительно невозможными.

III.

Плаваніе на остр. Мадеру. — Возвращеніе къ эскадрѣ. — Крушеніе «Архи-меда». — Мое собственное крушеніе.

Мнѣ кажется, что читатель ничего не потеряетъ отъ того, что я подробно не означаю дня и числа того или другаго происшествія и простить мнѣ, если я о многомъ забываю или умалчиваю. Взглядъ на прошедшее есть не болѣе, какъ взглядъ, и требовать отъ него точностей историческихъ мемуаровъ было бы немыслимо.

Возвращаясь къ своему разсказу. Весною 1849 года пришло приказаніе изъ Петербурга готовить «Камчатку» къ дальнему плаванію. Все пришло въ движеніе, работа закипѣла въ гавани и рано выйдя на рейдъ, мы узнали, что пароходъ нашъ будетъ состоять въ распоряженіи *Е. И. В. Герцога Лейхтенбергскаго* и отвезетъ Его Высочество на островъ Мадеру, который медики избрали для зимняго пребыванія августѣйшаго больнаго. Адмиралу Шанцу ввѣрено было главное управленіе и какъ только Герцогъ и его свита прибыли изъ Петергофа, (17 іюля) мы немедленно снялись съ якоря и вышли въ море. Отличное устройство парохода дало возможность всѣмъ размѣститься совершенно комфортабельно и переходъ, во время котораго мы заходили въ Христіанію и Соутгемптонъ, совершенъ былъ какъ нельзя лучше. Не смотря на свою болѣзнь, Герцогъ большую часть дня проводилъ на верху, и своимъ милостивымъ обращеніемъ очаровалъ и команду и офицеровъ. Онъ часто удостоивалъ каждаго изъ насъ своимъ вниманіемъ, и современная знаменитость, профессоръ *Боголюбовъ*, служившій на «Камчаткѣ» лейтенантомъ, вполнѣ обязанъ Его Высочеству тѣмъ поощреніемъ, которое дало возможность развиться и выдаться впередъ его таланту къ живописи. Герцогъ, любя и понимая искусства, ободрилъ молодаго артиста и принялъ его подъ свое покровительство. Эта кампанія оставила намъ самыя лучшія воспоминанія, потому что люди, окружавшіе Герцога, дѣлали плаваніе какъ нельзя болѣе пріятнымъ. Его Высочество сопровождалъ секретарь

его, Е. И. Мюссаръ съ супругою, и два его адъютанта: князь Баграціонъ, (бывшій впоследствии генералъ-губернаторомъ остзейскихъ провинцій) съ супругою, и графъ Ожаровскій. Супруга И. И. Шанца также находилась на пароходѣ, и при Герцогѣ состоялъ еще отъ морскаго вѣдомства князь М. П. Голицынъ. Въ Норвегіи Его Высочество пробылъ три дня для свиданія съ августѣйшею сестрою, королевою Шведскою и мы имѣли довольно времени, чтобы вполне налюбоваться дикою, грандіозною природою страны, одною изъ живописнѣйшихъ въ мірѣ. Проходъ съ моря до Христіаніи, между отвѣсными, покрытыми зеленою скалами, представляетъ такія картины, которыя не скоро изглаживаются изъ памяти. Скагерракъ и Нѣмецкое море быстро пробѣжалъ пароходъ и запасшись углемъ въ Соутгемптонѣ, на четвертый день подходилъ къ Мадерѣ, обвитой густымъ туманомъ, изъ котораго виднѣлись только остроконечныя вершины ея горъ. Съ разсвѣтомъ туманъ разсѣялся и чудный островъ, весь обвитый зеленою, предсталъ во всей своей красѣ. Мы стали на якорь передъ Фунчаломъ. Климатъ, растительность, волшебна хороши и неудивительно, что больные здѣсь снова оживаютъ.

Насъ однако поставили на три дня въ карантинъ. Послѣ визита губернатора, пароходъ окружили лодки съ виноградомъ, бананами и всякими предложеніями услугъ. Его Высочество вскорѣ съѣхалъ на берегъ и поселился на виллѣ, въ горахъ. Мы же, готовясь къ обратному плаванію, между дѣломъ успѣвали дѣлать прогулки къ горамъ и скоро ознакомились съ мѣстностью, гдѣ, правду сказать, кромѣ природы, изучать было нечего.

Вспомнивъ о Мадерѣ, нельзя не замѣтить, что островъ принадлежитъ португальцамъ только по имени, все же вино въ рукахъ англичанъ и они главные хозяева на островѣ.

Какъ извѣстно, Герцогъ провелъ на Мадерѣ всю зиму. Въ продолженіи этого времени при Его Высочествѣ состоялъ фрегатъ «Паллада», мы же возвратились въ Кронштадтъ и на слѣдующій (1850) годъ пошли прямо въ Лиссабонъ, гдѣ уже находился фрегатъ, оставившій, впрочемъ,

совершенно невольно нашимъ пассажирамъ довольно дурное впечатлѣніе, такъ что они прозвали его *frégate de malheur*, и несказанно обрадовались нашему приходу. Дѣло въ томъ, что какъ только фрегатъ вступилъ подъ паруса, погода испортилась, началась качка и весь переходъ до Лиссабона былъ мукою для непривыкшихъ къ морю. Сверхъ того, на пароходѣ суднѣ всегда можно было опредѣлить время прихода парохода въ портъ, что болѣе всего беспокоило дамъ. «Паллада» ничѣмъ не заслуживалъ названіе *frégate de malheur*, это онъ вполне доказалъ своими плаваніями, хотя замѣчу здѣсь кстати, на всѣхъ флотахъ и въ особенности въ коммерческихъ, есть свои предрасудки и свои счастливыя и несчастныя суда. Въ понедѣльникъ и пятницу рѣдкій шкиперъ выходитъ въ море, тринадцатое число также недолюбливаютъ, и даже на судахъ военныхъ флотовъ не всѣ бываютъ чужды суетѣри.

Его Высочество совершилъ переходъ на «Камчаткѣ» до Голландіи и вышелъ на берегъ въ Гельдерѣ, гдѣ послѣ его отъѣзда мы остались еще на нѣсколько времени и успѣли полюбоваться и ознакомиться съ бравыми и трудолюбивыми голландцами. Португалія и Голландія,—двѣ страны быстро промелькнувшія передъ нами, какъ въ стеклѣ волшебнаго фонаря, представляли такую разительную противоположность, что сравненіе становилось довольно рѣзкимъ. Съ одной стороны великолѣпная гавань, чудный климатъ, и полнѣйшій застой и *far niente*, съ другой—бѣдная природа, искусственно созданные водяные пути, но жизнь, кипящая энергіею и дѣятельностью. Ни тамъ, ни здѣсь не видно и слѣдовъ прежняго морскаго величія, но, потерявъ многое изъ прошедшаго, Голландіи еще много предстоитъ въ будущемъ.

Мнѣ удалось видѣть Амстердамъ, Роттердамъ, Гагу и поклониться въ Саардамѣ домику Петра Великаго, о которомъ такъ вдохновенно сказалъ поэтъ Государю Наслѣднику.

Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святые;
Великій князь благоговѣй,
Здѣсь колыбель Имперіи твоей
Здѣсь родилась великая Россія!»

Въ Свиномюнде Герцогъ снова сѣлъ на «Камчатку» и возвратился въ Россію.

Осенью насъ послали въ Данію съ депешами: въ Копенгагенъ, къ посланнику и къ эскадрѣ, стоявшей въ маломъ Бельтѣ у острова Альзена. Исполнивъ первое порученіе, «Камчатка» направилась къ Альзену и стала на якорь передъ городомъ Зондербургомъ, гдѣ стояли русскія суда подъ командою вице-адмирала Епанчина. Эскадра эта составляла родъ обсервационнаго отряда во все продолженіе войны между Данією и Пруссією и очередовалась въ продолженіи трехъ лѣтъ, съ двумя другими дивизіями. Мы нашли ее въ составѣ 6 кораблей, 2 фрегатовъ, 2 бриговъ и 2 пароходовъ и не безъ гордости сознавали, что на Балтійскомъ морѣ русскій флотъ сильнѣе флотовъ другихъ державъ, вмѣстѣ взятыхъ. 20 сентября адмиралъ оставилъ Зонденбургскій рейдъ, возвращаясь съ эскадрою въ Россію; мы же, поднявъ брейтвиппель флигель-адъютанта Глазенапа, бывшего начальникомъ штаба на эскадрѣ, вмѣстѣ съ пароходо-фрегатами «Отважный» и «Смѣлый», составили летучій отрядъ и обходили Бельтъ, оставаясь здѣсь до поздней осени, когда въ Копенгагенъ пришло извѣстіе, что у острова Борнгольма разбился фрегатъ «Архимедъ». Это извѣстіе, всѣхъ опечалило. «Архимедъ» былъ первый и единственный въ то время винтовой фрегатъ и дѣлалъ только вторую кампанію. Никто не могъ объяснить себѣ причины несчастья и только впоследствии мы узнали, что его ввелъ въ ошибку огонь маяка, о которомъ датское правительство не сдѣлало публикаціи. Подходя къ Борнгольму, мы увидѣли фрегатъ на боку, на рифѣ, безъ мачтъ. Команда уже свезена была на берегъ и только лоцманскія суда видны были у борта. Мы взяли офицеровъ, часть команды и что можно было захватить изъ спасенныхъ вещей и 17 октября возвратились въ Кронштадтъ, когда уже весь малый рейдъ покрытъ былъ сплошнымъ льдомъ.

Крушеніе «Архимеда», какъ я уже замѣтилъ выше, сильно опечалило моряковъ. Къ счастью, при помощи прибрежныхъ жителей, команду удалось благополучно свезти на берегъ и

только шесть человѣкъ пропало безъ вѣсти. У всѣхъ еще была въ свѣжей памяти страшная гибель «Ингерманланда», гдѣ было выказано столько героизма и самоотверженія, и гдѣ изъ 900 человѣкъ 389 погибло въ волнахъ. Какимъ-то холодомъ, близкимъ къ отчаянію, повѣяло на сослуживцевъ, когда на наемныхъ судахъ привезли въ Кронштадтъ остатки молодецкой команды, свято исполнявшей свой долгъ въ самыя критическія минуты, и когда на родинѣ ихъ встрѣтилъ сухой и суровый пріемъ. Я не пишу здѣсь исторіи, но могу сказать только, что норвежцы дали имъ платъ, на расхватъ разбирали по домамъ, окружали попеченіями и заботами, отказывались отъ всякой платы и что ничего подобного они не встрѣтили въ Россіи, гдѣ одни только офицеры раздѣлили послѣднее съ потерпѣвшими товарищами.

Глубоко сочувствуя бѣдствіямъ пострадавшихъ, я никакъ не предполагалъ самъ потерпѣть крушеніе на палубѣ своего собственного фрегата. А между тѣмъ я разбился и разбился такъ, что меня безъ чувствъ отнесли въ госпиталь. Произошло это слѣдующимъ образомъ: выйдя на верхъ передъ поднятіемъ флага, когда еще мыли палубу, я поднялся на мостикъ и не замѣтилъ, что въ это время для мытья сняли съ него трапъ. Осмотрѣвъ все, что мнѣ нужно было видѣть, я хотѣлъ спуститься внизъ и навзничъ полетѣлъ въ пустой люкъ. Благодаря скоро принятымъ мѣрамъ и заботливости докторовъ, ушибъ этотъ не имѣлъ дурныхъ послѣдствій, но я болѣе мѣсяца пролежалъ въ госпиталѣ и когда наконецъ въ состояніи былъ встать на ноги, добрейшій докторъ Ѳ. И. Бауеръ перевезъ меня къ себѣ на дачу, на косу, гдѣ мною ухаживали съ такою заботливостію, которую можно встрѣтить только у самыхъ близкихъ родныхъ и которая навсегда оставила въ моемъ сердцѣ самую глубокую, самую теплую благодарность къ его достойнѣйшему семейству.

Это несчастье постигло меня лѣтомъ 1851 года. Хотя молодость и взяла свое, но доктора совѣтовали мнѣ, хотя на время, оставить службу на морѣ, гдѣ осеннія плаванія въ особенности разрушительно дѣйствуютъ на здоровье. Пришлось искать береговаго мѣста, но мѣстъ не было, и я, въ

45483

ожиданіи лучшаго, прикомандировался на зиму въ Петербургѣ, гдѣ, имѣя много свободнаго времени, снова предался своимъ литературнымъ занятіямъ. Въ работѣ недостатка не было. Очкинъ и Краевскій по прежнему приняли меня въ число сотрудниковъ, что значительно увеличивало мои финансовыя средства и хотя нѣкоторые издатели, какъ напримѣръ Поляковъ и Плюшаръ, не имѣли привычки исправно платить за статьи, мои заработки были для меня достаточны. Морская литература, только что начинала возникать. Основанный на развалинахъ дряхлыхъ и безжизненныхъ записокъ ученаго комитета, «Морской Сборникъ» вносилъ уже жизнь и свѣтъ въ общество моряковъ, воскресавшихъ духомъ, въ чаяніи близкихъ и благотворныхъ реформъ. Люди съ талантомъ и познаніями, живо интересовавшіеся развитіемъ научныхъ свѣдѣній и богатые опытомъ, приняли въ немъ дѣятельное участіе. Имена ихъ, хорошо извѣстные флоту, всегда будутъ памятны и дороги для моряковъ. Ихъ примѣръ заставилъ многихъ изъ насъ работать и трудиться для общей пользы.

Между тѣмъ я все еще оставался безъ мѣста. Въ одно прекрасное утро, я надѣлъ вицъ-мундиръ и безъ всякой рекомендаціи явился къ В. П. Кохіусу, бывшему тогда инспекторомъ учебныхъ экипажей, объяснилъ ему мое положеніе и просилъ взять къ себѣ въ адъютанты. Покойный Василій Петровичъ, никогда не выдавшій меня въ глаза, былъ такъ добръ, что согласился на мою просьбу и я считаю здѣсь священнымъ долгомъ отдать справедливость высокимъ душевнымъ качествамъ этого человѣка, котораго не совсѣмъ безпристрастно судили современники. Вѣроятно по его ходатайству, меня прикомандировали вскорѣ къ инспекторскому департаменту и дали кой-какія занятія и между прочимъ составленіе годоваго отчета. Такъ прошло болѣе года, когда весною 1853 г. я получилъ весьма лестное, но совершенно неожиданное предложеніе отъ своего новаго начальства.

IV.

Командировка за границу.—Отыскиваніе г. Мори.—Брюссельская конференція.—Отѣздъ и пребываніе въ Америкѣ.—Возвращеніе.

Американскаго флота лейтенантъ Мори, занимаясь нѣсколько лѣтъ при Вашингтонской обсерваторіи разборомъ шканечныхъ журналовъ, извлекъ изъ нихъ много интересныхъ подробностей, ускользавшихъ прежде отъ вниманія мореплавателей и на основаніи ихъ составилъ карты вѣтровъ и теченій, пользованіе которыми значительно сократило морскіе переходы и тѣмъ принесло значительныя выгоды мореплаванію и торговлѣ. Переходъ во многіе порты сократился; открыта была система юго-западныхъ муссоновъ на экваторіальныхъ частяхъ Атлантическаго океана и на западномъ берегу Америки, изслѣдованы поясы пассатныхъ вѣтровъ и штилевыхъ полосъ, опредѣлены съ точностью направленіе и границы гольфстрима; однимъ словомъ, метеорологія и гидрографія вдругъ обогатились новыми драгоцѣнными свѣдѣніями.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ, желая, въ пользахъ мореплаванія, распространить эту систему на всѣ моря, обратилось къ содѣйствію всѣхъ морскихъ державъ для введенія на судахъ общей системы метеорологическихъ наблюдений и съ этою цѣлью просило ихъ прислать своихъ делегатовъ на конференцію въ Брюссель, гдѣ, вмѣстѣ съ г. Мори, они могли бы условиться въ однообразной формѣ журнала и однообразной системѣ наблюдений и такимъ образомъ способствовать къ извлеченію полезныхъ данныхъ для морей всего свѣта.

Не знаю, кому я обязанъ былъ выборомъ, но честь быть на этой конференціи представителемъ русскаго флота была предложена мнѣ графомъ Л. Л. Гейденомъ. Неувѣренный въ своихъ силахъ, неприготовленный къ порученію, требовавшему многосложныхъ свѣдѣній и практическихъ познаній, я тѣмъ не менѣе не могъ устоять противъ желанія ознакомиться съ новымъ и интереснымъ дѣломъ и въ началѣ мая (1853) былъ уже на пути въ Англію. Мнѣ

дали на дорогу 500 червонцевъ и разрѣшили по окончаніи конференціи отправиться въ Америку и осмотрѣть все, что я найду заслуживающаго вниманія по морской части.

Я выѣхалъ изъ Россіи, не имѣя никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ назначена конференція и гдѣ я встрѣчу г. Мори. Меня увѣрили, что все это я узнаю въ Лондонѣ и я спѣшилъ туда, надѣясь узнать все необходимое въ русскомъ или американскомъ посольствахъ. Но увы! ни въ томъ, ни въ другомъ, ни о Мори, ни о конференціи ничего не могли мнѣ сообщить. Полагая, что онъ въ Парижѣ, я напрасно отыскивалъ его и тамъ, и наконецъ рѣшился прямо ѣхать въ Америку, чтобы разомъ окончить всѣ недоразумѣнія.

И вотъ, изъ Ливерпуля, на великолѣпномъ пароходѣ *Arabia*, за 200 долларовъ, я въ 11 дней добрался до Нью-Йорка. Въ то время Америка была мало извѣстна въ Россіи. До меня сюда пріѣзжали только два морскихъ офицера: А. П. Авиновъ, для покупки корвета «Князь Варшавскій» и И. И. Шанцъ, для постройки пароходо-фрегата «Камчатка». Съ первымъ шагомъ на берегъ я почувствовалъ все свое одиночество и бросился къ генеральному консулу, какъ къ единственному прибіжищу. Но и тутъ встрѣтилъ неудачу: консулъ былъ въ отлучкѣ. Къ довершенію всего я прочелъ въ Нью-Йоркскихъ газетахъ, что наканунѣ моего пріѣзда, Мори, на пароходѣ *Atlanta*, отправился въ Европу.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Догнать его, гдѣ бы то ни было,—рѣшилъ я, и съ первымъ же срочнымъ пароходомъ пустился назадъ въ Европу, пробывъ только четыре дня въ Нью-Йоркѣ. На этотъ разъ мои поиски увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Я засталъ Мори въ Ливерпулѣ и узналъ отъ него, что конференція состоится въ Брюсселѣ 11 августа. У меня впереди было двѣ недѣли и я рѣшился провести ихъ въ Лондонѣ, дѣлая по временамъ поѣздки по окрестностямъ. Изъ всѣхъ этихъ поѣздокъ у меня особенно остался въ памяти смотръ англійскому флоту, произведенный королевою на Спитгедскомъ рейдѣ. Подробное описаніе его читатель можетъ найти на страницахъ «Морск. Сб.» 1853 г., въ настоящее же время я могу только, сравнивая три различныхъ

эпохи, представить тѣ громадныя успѣхи, тотъ колоссальный переворотъ, который на нашихъ глазахъ сдѣлало кораблестроеніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1845 году, здѣсь же, королева дѣлала смотръ флоту; тогда на рейдѣ было десять кораблей и фрегатовъ, но только одинъ изъ послѣднихъ винтовой; въ 1853 году вся эскадра адмирала Кокрена состояла изъ паровыхъ судовъ (13 винтовыхъ кораблей и фрегатовъ и 8 колесныхъ пароходо-фрегатовъ); въ настоящее же время броня замѣнила дерево, и англійская эскадра на Спитгедскомъ рейдѣ представляетъ уже другое зрѣлище, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ предшествовавшія.

Къ назначенному времени всѣ мы стѣхались въ Брюсселѣ. Англія прислала капитана Бичи, Франція г. Деламарша, Голландія капитана Янсена, Данія капитана Роте, Швеція и Норвегія лейтен. Иллена и Петерсена и Португалія капитана Корреа. Президентомъ избранъ былъ извѣстный ученый Кетлэ и засѣданіе открылось въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и продолжалось до 27 августа. Результатомъ былъ «Метеорологическій журналъ», который до сихъ поръ отпускается на всѣ суда флота и даетъ богатые матеріалы для составленія картъ и сокращенія переходовъ.

Три недѣли прошли незамѣтно. По утрамъ мы собирались на конференцію, а вечеръ проводили или у Мори, путешествовавшего съ двумя дочерьми, или дѣлали разныя поѣздки. Представленіе королю и праздники, бывшіе по случаю бракосочетанія наслѣднаго принца, также много разнообразили нашу жизнь. Но наконецъ дѣло было окончено, мы отправили куда слѣдовало свои отчеты и вслѣдъ за тѣмъ я получилъ разрѣшеніе снова отправиться въ Америку.

И вотъ передо мною опять длинныя улицы и запруженные судами гавани Ливерпуля, опять пароходъ, наполненный пассажирами всѣхъ родовъ,—отъ разбогатѣвшихъ негоціантовъ съ семействами, путешествующихъ скуки ради до бѣдныхъ эмигрантовъ, отыскивающихъ кусокъ хлѣба въ чуждой, но всегда манящей ихъ землѣ,—опять туманы, по временамъ бурныя океанскія погоды, однообразные дни и наконецъ берегъ, и теплая и свѣтлая комната въ Бостонѣ въ отелѣ Tremont House.

Благодаря рекомендательнымъ письмамъ Мори, я прямо попалъ въ Бостонъ въ кружокъ дѣловыхъ людей. Я нашелъ военную гавань почти совершенно пустою, за то на частныхъ верфяхъ работа кипѣла, интересомъ дня были клипера въ постройкѣ которыхъ другъ передъ другомъ соперничали судостроители. Размѣры росли до небывалыхъ величинъ. При мнѣ спустили *Great Republic* въ 4000 тоннъ въ 325 футовъ длины. Все это рассчитывало на грузы въ Калифорніи, куда съ открытіемъ золота жадно устремилось все, ожидавшее наживы. Калифорнская лихорадка, какъ ее называли, была во всей своей силѣ, когда я приѣхалъ въ Америку. Громадныя состоянія наживались и рушились, не оставляя слѣда; по обломкамъ и развалинамъ, полный энергіи и увѣренности въ успѣхѣ, американецъ вѣрный своему девизу: *go ahead*, шелъ впередъ, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями и достигалъ результатовъ изумлявшихъ старую Европу. Не оглядываясь на тѣхъ, которые падали на пути, онъ увлекалъ за собою новыя и свѣжія силы и работалъ не зная ни отдыха, ни покоя. Приглядѣвшись къ характеру Американскаго народа, только этою силою воли, этою отчаянною борьбою за наживу, можно объяснить себѣ тѣ неимоверныя успѣхи, до которыхъ дошла, въ сравнительно-короткое время своего существованія, молодая республика.

Я восемь мѣсяцевъ провелъ въ Соединенныхъ Штатахъ и хорошо ознакомился и съ характеромъ народа, и съ его различными учрежденіями. Я бродилъ цѣлые дни, осматривая гавани, заводы, верфи, школы и госпитали и могу сказать, что въ то время у расчетливаго янки въ самомъ запущенномъ положеніи была военная часть. Флотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ корветовъ тяжелой постройки, разбросанныхъ по станціямъ, а въ военныхъ портахъ догнивали старые корабли никогда не вооружавшіеся. Регулярнаго войска, не насчитывалось болѣе 10 000 и оно находилось все на западной границѣ, оберегая ее отъ нападений индѣйцевъ. И кто могъ бы подумать, что черезъ десять лѣтъ у этого народа явятся стотысячныя арміи, явятся суда, какихъ еще не видывалъ свѣтъ, явятся полководцы и вспыхнетъ ожесточенная борьба, которая уди-

вить міръ. Я видѣлъ въ городахъ одну только милицію, на которую нельзя было смотрѣть безъ смѣха. При мнѣ въ Ричмондѣ и Чарльстонѣ еще продавали на рынкахъ невольниковъ, но не смотря на всегдашнюю вражду Южныхъ и Сѣверныхъ Штатовъ, ничто ни предвѣщало такого близкаго и кроваваго разрыва.

Я торопился въ Нью - Йоркъ, надѣясь увидѣться тамъ съ консуломъ, но къ сожалѣнію это мѣсто занималъ осьмидесятилѣтній старикъ Евстафіевъ, поступившій сюда, по протекціи Сперанскаго, изъ лондонскихъ пѣвчихъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ и едва передвигавшій ноги. Для меня онъ ничѣмъ не могъ быть полезенъ; къ счастью Мори возвратился изъ Европы и мы вмѣстѣ поѣхали въ Вашингтонъ. Здѣсь я нашелъ нашего посланника, Бодиско познакомился съ секретарями, Стеклемъ и Катакази, и наконецъ почувствовалъ себя въ гостепріимномъ и образованномъ обществѣ. Президентъ Пирсъ и морской министръ Доббинъ были ко мнѣ весьма любезны и внимательны, а добрейшій Мори, снова поселившись на своей обсерваторіи, заботился обо мнѣ съ самою дружескою предупредительностью. Я собиралъ свѣдѣнія по всѣмъ частямъ морскаго дѣла, писалъ отчеты и время шло въ поѣздкахъ между Вашингтономъ и Нью-Йоркомъ. Полюбовался Ніагарскимъ водопадомъ, побывалъ въ Балтиморѣ и Филадельфіи и въ февралѣ (1854) началъ думать о возвращеніи въ Россію. Война уже давно кипѣла на Крымскомъ полуостровѣ и свѣдѣнія, получаемыя изъ Американскихъ газетъ, часто противорѣчившія другъ другу, далеко меня не удовлетворяли. Понятно было мое нетерпѣніе быть поскорѣе на мѣстѣ, но жаль было уѣхать, не издавши юга, не посѣтивъ острова Кубы, этой антильской жемчужины, на которую такими жадными глазами всегда смотрѣли американцы. И вотъ простившись со своими вашингтонскими друзьями, я провелъ нѣсколько дней въ Норфолькѣ, главномъ военномъ портѣ союза, гдѣ встрѣтилъ самый радушный пріемъ отъ commodora Бриза и его офицеровъ Кеннеди и Фаррагута, въ которомъ никто не подозрѣвалъ тогда будущаго героя. Норфолькъ игралъ одну

изъ главныхъ ролей во время войны и на его рейдѣ, какъ извѣстно, появились первые броненосцы; но въ мое время все было пусто и тихо; и гавань и адмиралтейство почти не подавали признаковъ жизни.

Южные Штаты, въ сравненіи съ Сѣверными, имѣютъ совсѣмъ другой характеръ. Это объясняется и различіемъ климата и нравами жителей. Тогда какъ сѣверъ заселялся суровыми пуританами, изъ Голландіи и Англіи, первые колонисты юга были французскіе выходцы, бѣжавшіе изъ отечества послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Промышленность сѣвера была и осталась фабричною; югъ же существовалъ только своими плантаціями. Невольники составляли жизнь этихъ плантацій и для плантаторовъ существованіе невольничества было вопросомъ жизни или смерти. Между тѣмъ сѣверъ нуждался въ рабочихъ и вотъ помимо филантропическихъ цѣлей, которыя, по моему мнѣнію, далеко не стояли на первомъ планѣ, разгадка той ожесточенной борьбы, къ которой рано или поздно должны были придти враждебные интересы. Нужно замѣтить, что въ Сѣверныхъ Штатахъ, по крайней мѣрѣ въ мое время, негръ не считался человѣкомъ. Онъ не допускался ни въ одно общественное заведеніе, ни въ общій вагонъ, ни въ милицію, ни даже въ церковь: все это для негровъ было отдѣльное. Не знаю на сколько, съ уничтоженіемъ невольничества, выиграли Сѣверные Штаты, но нѣтъ сомнѣнія, что Южные много потеряли.

При этомъ должно замѣтить, что американцы, когда дѣло идетъ о наживѣ, находятъ средство обойти законъ. Они забираютъ въ Китаѣ цѣлые грузы несчастныхъ кули, контрактующая ихъ на нѣсколько лѣтъ и потомъ гуртомъ сдаютъ какому-нибудь плантатору на Антильскихъ островахъ, откуда уже несчастнымъ нѣтъ выхода.

Изъ Норфолка я поѣхалъ въ Ричмондъ и оттуда въ Чарльстонъ. Здѣсь я сѣлъ на пароходъ и черезъ трое сутокъ былъ въ Гаваннѣ.

Мнѣ казалось, что я вдругъ перенесся въ какую-то волшебную страну. Солнце жгло невыносимо, пробиваясь въ окна моей веранды въ Calli Inquisidor, несмотря на толстыя жа-

лузи, и выйти на улицу, гдѣ днемъ видны были только одни носильщики негры, не было никакой возможности. Только съ семи часовъ вечера городъ оживляется и двухколесные во-ленты, съ негромъ-кучеромъ въ красномъ камзолѣ, мчатъ гаванскихъ красавицъ на загородное гулянье Paseo, гдѣ онѣ décollettées и безъ шляпокъ, жадно слушаютъ музыку военного оркестра, кокетливо играя вѣрами. Я представился губернатору, маркизу Пеццуло, познакомился съ англійскимъ консуломъ Кроффордъ и отыскалъ русскаго вице-консула, который былъ особенно полезенъ мнѣ тѣмъ, что свезъ меня къ одному изъ богатѣйшихъ сахарныхъ плантаторовъ, г. Арриету. Въ его имѣніи, въ 80 миляхъ отъ Гаванны, куда ведетъ желѣзная дорога черезъ города Матанзасъ и Карденосъ я провелъ три дня, встрѣтивъ самый радужный пріемъ со стороны его семейства. Тамъ увидалъ я нескончаемыя поля сахарнаго тростнику, гдѣ подъ палящимъ солнцемъ усердно работаютъ негры, банановыя рощи, лавръ, кедръ, и кусты олеандровъ, жасминовъ и розъ. По обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги тропическая растительность уже поражаетъ своею роскошью: цвѣты, невиданные въ Европѣ, какъ яркая ткань покрываютъ поля и на открытомъ воздухѣ вы видите цѣлыя гряды ананасовъ. Между тѣмъ тяжелыя пошлыны мѣшаютъ развитію края и процвѣтаютъ только одни табачныя фабрики. Невольники работаютъ до 18 часовъ въ сутки и почти на половину состоятъ изъ китайцевъ. Скучна, однообразна и даже тяжела для заѣзжаго скоро становится жизнь на плантаціи. Я поспѣшилъ въ городъ, гдѣ въ этотъ вечеръ въ театрѣ di Tacon давали Севильскаго цирюльника съ Стефаннони, Сальви и Марсени. Театру придаютъ особенную красоту рѣзныя золоченныя рѣшетки, во всѣхъ ярусахъ ложъ и превосходное освѣщеніе. Здѣсь какъ будто живутъ для того, чтобы наслаждаться жизнью, но лѣтомъ всѣ бѣгутъ отъ желтой горячки и островъ пустѣетъ. Дождавшись срочнаго парохода, я, послѣ двухсуточного перехода, добрался до Новаго Орлеана и, пробывъ тамъ три дня, по желѣзной дорогѣ возвратился въ Вашингтонъ.

V.

Переходъ океаномъ. — Неожиданная остановка въ Портсмутѣ. — Приѣздъ въ Петербургъ.

Пора было думать объ отъѣздѣ въ Россію. Порученіе мое я исполнилъ, на сколько позволяли средства: осмотрѣлъ судостроеніе, пароходство, артиллерію, отослалъ въ комитетъ отчеты и мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ собираться въ дорогу домой. Меня радушно проводили на желѣзную дорогу мои американскіе друзья и въ Нью-Йоркѣ я сѣлъ на пароходъ Hermann, содержащій сообщеніе между этимъ портомъ и Бременомъ. Входя въ англійскій каналъ, меня какъ громомъ, поразило извѣстіе, что мы заходимъ за углемъ въ Портсмутъ. Мысль, что въ англійскомъ военномъ портѣ меня могутъ захватить, какъ военноплѣннаго и запереть на понтоны, наводила на самыя грустныя размышленія. Я безпокоился тѣмъ болѣе, что у меня были депеши отъ посланника. Какъ ни успокоивалъ меня капитанъ Хиггинсъ тѣми доводами, что я нахожусь подъ покровительствомъ американскаго флага, я вздохнулъ свободно только тогда, когда сошелъ на берегъ въ Бременѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было поручиться, чтобы англичане не приняли меня за военную контрабанду, или за русскаго шпіона и понятно, что во все время стоянки на якорѣ я почти не выходилъ изъ каюты. Теперь опасность миновала; въ Берлинѣ я съ торжествомъ сдалъ депеши въ посольство и, 30 апрѣля, выѣхалъ отсюда въ Петербургъ, послѣ годоваго странствованія по разнымъ частямъ свѣта.

Быть можетъ, очеркъ моего пребыванія въ Америкѣ многимъ покажется слишкомъ краткимъ, но повторяю еще, что представляя не болѣе, какъ взглядъ на прошедшее, я щажу вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣніе благосклоннаго читателя и еще при жизни не хочу надоѣсть ему до смерти. Къ тому же всѣ отчеты напечатаны въ «М. Сб.» 1854 г. а все, стоящее внѣ официальныхъ донесеній въ С. П. Б. Вѣдомостяхъ (1853—1854), гдѣ желающіе могутъ удовлетворить своему любопытству.

Въ Россіи я все уже нашелъ на военной ногѣ. Война занимала всѣхъ и каждого. Всѣ взоры были обращены на Севастополь, гдѣ кипѣла борьба на смерть и гдѣ наши герои доблестно и упорно отстаивали свою родину. Балтійскіе моряки завидовали Черноморцамъ и въ свою очередь готовились къ оборонѣ на всемъ побережьи Финскаго залива. Французскій и англійскій флоты были уже въ Балтійскомъ морѣ и англійская эскадра, подъ командою Немира, шла въ Финскій заливъ. Вездѣ готовили встрѣчу непріятелю.

Во время моей командировки я былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ инспекторскій департаментъ и тотчасъ по возвращеніи, Его Высочество Генералъ-Адмиралъ лично объявилъ мнѣ приказаніе состоять при главномъ командирѣ Кронштадтскаго порта, вице-адмиралѣ О. П. Литке. Въ началѣ мая я вступилъ въ свою новую обязанность и снова очутился въ Кронштадтѣ, но это былъ уже не прежній мирный и патріархальный городъ, а грозная и боевая крѣпость, гдѣ кипѣла военная дѣятельность и принимались энергическія мѣры, въ виду близкаго столкновенія съ врагомъ.

